

ЗАМѢТКИ

ПО ПОВОДУ ИЗВЛЕЧЕНІЙ ИЗЪ ПИСЕМЪ О ВОЕННО-УГОЛОВНЫХЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХЪ И О ВОЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ. — «МОРСКОЙ СБОРНИКЪ», М 4 (*).

АНГЛІЯ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Предположивъ цѣлью своего изслѣдованія дисциплинарныя и пенитенціарныя системы, авторъ писемъ, напечатанныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ» и послѣдовательно передаваемыхъ нами читателямъ «Военнаго Сборника», обращалъ вниманіе исключительно на самыя рѣзкія черты, встрѣчаемыя имъ въ различныхъ арміяхъ.

Какъ читатели наши замѣтили изъ предъидущихъ статей, онъ не представляетъ полной, систематически составленной, со всѣми деталями картины, но ограничивается очеркомъ общаго характера каждаго законодательства, указывая на тѣ замѣчательныя особенности каждаго изъ нихъ, которыя положительно или отрицательно могутъ служить поучительнымъ примѣромъ.

Такимъ же точно образомъ написано и письмо его изъ Англіи, которымъ и оканчивается онъ отчетъ о своихъ наблюденіяхъ. Письмо это очень коротко; тѣмъ не менѣе въ немъ находятся факты весьма любопытные, еще болѣе утверждающіе насъ въ тѣхъ убѣжденіяхъ, которыя мы старались провести въ предшествующихъ статьяхъ.

(*) См. «Военный Сборникъ» 1862 года, ММ 4, 5 и 6.

Англія страна крайностей. Мало знакомыхъ съ ея историческимъ развитіемъ, съ нравами и обычаями ея, которые нигдѣ такъ сильно не связаны съ исторіей, какъ въ Англіи, на каждомъ шагу поражаетъ соединеніе самыхъ крайнихъ противоположій.

Попадаются тамъ явленія, которыхъ никакъ нельзя помирить ни съ общимъ развитіемъ народа, ни съ развитіемъ учрежденій страны, ни наконецъ съ рационально-утилитарнымъ направленіемъ и съ гордостію, составляющими главную черту народнаго характера Англичанъ.

Жестокость дисциплинарныхъ наказаній въ англійской арміи, а въ особенности во флотѣ, всему свѣту извѣстна. Еще недавно, года три тому назадъ, парламентскія пренія обнаружили всю отвратительную картину суровой системы наказаній за дисциплинарные проступки солдатъ и преимущественно матросовъ.

Фактъ существованія тѣлеснаго наказанія въ англійской арміи имѣетъ основанія совершенно отличныя отъ тѣхъ континентальныхъ армій, гдѣ оно еще до сихъ поръ не уничтожено.

Взглядъ на военную службу и самый способъ формированія арміи въ Англіи совершенно отличаются отъ существующихъ въ континентальныхъ арміяхъ.

На континентѣ военная служба составляетъ государственную повинность гражданъ; каждый гражданинъ, находящійся въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ условіяхъ, обязанъ военною службою. Несмотря на различіе способовъ, какими въ различныхъ странахъ континента государство пользуется этою обязанностию гражданъ, она не только вездѣ установлена закономъ, но, кажется, можно сказать безъ преувеличенія, и перешла, болѣе или менѣе, вездѣ въ народное сознаніе, что очень естественно, такъ какъ эта обязанность опирается на рациональномъ понятіи о государствѣ. Хотя часто встрѣчается, даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ срокъ военной службы самый непродолжительный и гдѣ служба облегчена до послѣдней возможности, что многіе съ неудовольствіемъ подчиняются этой повинности и рады были бы отдѣлаться отъ нея, но, съ другой стороны, не подтверждаетъ ли народнаго сознанія о военной повинности тотъ всеобщій энтузіазмъ, овладѣвающій народомъ во время войны, когда нужно защищать свою родину, котораго примѣры намъ не разъ представляетъ исторія, и вслѣдствіе котораго не только всякій съ радостію идетъ въ ряды

арміи, но и не шопавшіе въ нее, не желая уступить болѣе счастливымъ соперникамъ, образуютъ цѣлыя отряды волонтеровъ. Народныя войны, напримѣръ у насъ или въ Испаніи, не служатъ ли неопровержимымъ доказательствомъ, что народъ сознаетъ обязанность защищать свою родину; а военная повинность есть не что иное, какъ регуляризованіе этой обязанности.

Въ Англіи на это смотрять иначе. Правда, и тамъ, можетъ быть даже болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, сознается необходимость охраненія государственной безопасности, и тамъ понимаютъ, что охраненіе этой безопасности есть прямая обязанность народа, но тамъ народъ исполняетъ ее совершенно иначе, чѣмъ на континентѣ. Въ Англіи народъ, такъ сказать, откупается отъ воинской повинности. Въ то время, какъ существующій на континентѣ законъ можно объяснить такого рода обоюднымъ договоромъ правительства съ народомъ, гдѣ послѣдній говоритъ первому: я весь въ твоёмъ распоряженіи, бери меня и дѣлай что нужно для достиженія цѣли, въ Англіи народъ говоритъ правительству: я дамъ тебѣ денегъ, а ты ужь само добывай себѣ войско гдѣ хочешь, и послѣ дашь мнѣ отчетъ въ томъ, что ты сдѣлало. Очевидно, что, не имѣя возможности выбирать изъ народа людей, наиболѣе годныхъ для войска, правительство прибѣгло къ единственному, оставшемуся въ его рукахъ средству—къ пріисканію людей, которые бы добровольно согласились поступать въ ряды арміи. Для привлеченія же охотниковъ, оно вынуждено было назначать поступающимъ преміи. Словомъ, тамъ до сихъ поръ существуетъ система вербованныхъ войскъ.

Ясно, что при такой системѣ, гдѣ военная служба не составляетъ почетной и доблестной обязанности гражданина и гдѣ она представляется только дѣломъ личнаго расчета, спекуляціи, войско не можетъ даже претендовать на то уваженіе, какимъ оно пользуется тамъ, гдѣ является какъ исполненіе главнѣйшаго гражданскаго долга. Поступаютъ въ войско только люди, которые не могутъ найти для себя другой дѣятельности, что происходитъ большею частію оттого, что они не представляютъ никакихъ нравственныхъ гарантій для какого бы то ни было полезнаго дѣла. Для такихъ людей премія, довольно притомъ значительная, дѣйствительно служитъ приманкою, и ими-то и комплектуется англійская армія.

Такъ какъ эта армія не имѣетъ ничего общаго съ прочими

гражданами, такъ какъ она не есть явленіе гражданское, то и законы военные Англіи вовсе не похожи на законы гражданскіе. Самый взглядъ на армію и элементы, составляющіе ея, требовали законовъ суровыхъ: изъ нихъ практикою и развились тѣ ужасныя наказанія, о которыхъ въ 1860 году происходили пренія въ парламентѣ.

Вотъ что говоритъ авторъ о людяхъ, составляющихъ англійскую армію:

«Я старался узнать, дѣйствительно ли справедливы нападки на нравственность людей, поступающихъ въ ряды арміи, и убѣдился, что въ настоящее время въ англійскую армію дѣйствительно поступаетъ сбродъ людей, никуда не годныхъ въ обществѣ, и что въ этой арміи, несмотря на всѣ мѣры строгости, укоренилось въ огромныхъ размѣрахъ то, что происходило во всей Европѣ во время вербованныхъ войскъ, то есть побѣги изъ одной части, съ цѣлью завербоваться въ другую. Причиной этому значительная плата (bounty), которую поступающій получаетъ на руки. Теперь почти всѣ сознаютъ необходимость уничтожить эту плату (bounty), увеличивъ за то жалованье, пенсіи, выдаваемыя при отставкѣ, и предоставивъ другія льготы солдатамъ. Пока эта плата (bounty) существуетъ, ничѣмъ не прекратишь побѣговъ, или, вѣрнѣе сказать, переходовъ изъ одной части въ другую. Теперь есть солдаты, которые двадцать разъ переходили изъ полка въ полкъ.

«Но и это обстоятельство, которое даетъ нѣкоторое преимущество англійскимъ ретроgrадамъ передъ континентальными, не можетъ вовсе оправдать системы тѣлеснаго наказанія, которая, независимо уже отъ постороннихъ обстоятельствъ, въ самомъ существѣ своемъ носитъ приговоръ несостоятельности, такъ какъ она не достигаетъ предполагаемой цѣли. Мы позволимъ себѣ думать, что въ предъидущихъ статьяхъ нашихъ это доказано достаточно ясно.»

Несостоятельность тѣлеснаго наказанія не можетъ пособить несостоятельности самой системы комплектованія войскъ. Это убѣжденіе, кажется, сильно распространилось въ Англіи, а въ особенности со времени парламентскихъ преній вопросъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія сдѣлался весьма популярнымъ: Англичане какъ бы совѣстятся передъ континентомъ, что, во многихъ отношеніяхъ опередивъ его, такъ далеко отстали отъ

него въ столь важномъ государственномъ учрежденіи, какова вооруженная сила.

Считаю долгомъ—говорить авторъ—обратить вниманіе на вопросъ, который занимаетъ теперь англійскихъ ученыхъ и образованнѣйшихъ военныхъ людей англійской арміи. «Въ засѣданіяхъ статистическаго конгресса (котораго авторъ былъ членомъ) и въ гостиныхъ его членовъ, вездѣ я встрѣчался съ этимъ вопросомъ. Это вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Англичане сами не знаютъ, кажется, какъ справиться съ этимъ вопросомъ. Они стыдятся сознаться передъ иностранцами, что у нихъ существуетъ еще это наказаніе. Такъ, напримѣръ, меня публично стали увѣрять, въ засѣданіи V отдѣленія статистическаго конгресса, лордъ Стенгопъ, Гремъ, register-general и друг., что тѣлесное наказаніе уничтожено въ прошломъ году въ англійской арміи. Къ счастью, я имѣлъ подъ рукою указы герцога Кембриджскаго, гдѣ прямо сказано, что второй классъ солдатъ подлежитъ тѣлесному наказанію, и господа эти, закусивъ губы, должны были замолчать и, увидѣвъ, что мы знаемъ то, что у нихъ дѣлается, стали говорить откровеннѣе. «Еслибъ у насъ была конскрипція или рекрутскій наборъ, мы сегодня бы уничтожили тѣлесное наказаніе»—вотъ что говорятъ почти всѣ.»

Но что же имъ мѣшаетъ ввести у себя конскрипцію, которая, кромѣ возможности уничтоженія тѣлеснаго наказанія, какъ намъ кажется, возможнаго и безъ этого, имѣетъ много и весьма много преимуществъ передъ вербовкой? Именно то свойство англійскаго народа, которое во многихъ случаяхъ служитъ источникомъ его благоденствія, составляетъ здѣсь сильную преграду для усовершенствованія арміи: это традиція, уваженіе къ вкоренившемуся обычаю, несмотря, какъ въ этомъ случаѣ, на совершенную несообразность его съ новыми требованіями времени.

Однако, нужда въ реформѣ чувствуется такъ сильно, что думаютъ серьезно о введеніи конскрипціи, хотя не всѣ еще согласны на то, какими путями достигнуть этого. Авторъ приводитъ нѣсколько мнѣній, которыя онъ слышалъ на мѣстѣ.

«Въ настоящее время—говоритъ онъ—лучшіе умы рассуждаютъ слѣдующимъ образомъ: солдаты англійскіе получаютъ немногимъ менѣ хорошаго англійскаго работника въ годъ; возвысивъ содержаніе это нѣсколькими фунтами (при уничтоженіи bounty), солдатъ будетъ получать болѣе, чѣмъ работникъ. Въ-

стѣ съ тѣмъ необходимо уничтожить тѣлесное наказаніе и предоставить нижнимъ чинамъ, выдержавшимъ установленный для дворянъ экзаменъ, право производства въ офицеры, какъ только пріобрѣтутъ они должное фронтное образованіе (то есть года черезъ два, черезъ три послѣ поступленія на службу). Въ настоящее время, при необразованности низшаго класса народа, изъ котораго поступаетъ большая часть людей въ ряды арміи, огромное большинство поступающихъ не будетъ въ состояніи воспользоваться этимъ правомъ. Выдержавшимъ экзаменъ офицерскій патентъ (commission) будетъ выдавать правительство, подобно тому, какъ теперь выдаетъ всѣмъ оканчивающимъ по первому разряду курсъ наукъ въ Сандгурстскомъ кадетскомъ корпусѣ. Этимъ правомъ, дай Богъ, чтобы воспользовались нѣсколько десятковъ человѣкъ въ годъ; но все-таки право это чрезвычайно возвыситъ званіе солдата въ глазахъ простаго народа. Да, притомъ же, люди, одаренные особенными способностями и сами себя образовавшіе на службѣ, будутъ имѣть открытое поприще заслугъ и отличій.

«Такимъ образомъ, de jure всѣ поступающіе въ ряды арміи (дворяне и недворяне) будутъ имѣть одинаковыя права; de facto же, разумѣется, что огромное большинство офицерскихъ вакансій и всѣ почти высшія мѣста въ арміи будутъ заняты дворянами, потому что они составляютъ классъ, наиболѣе образованный и имѣющій средства передать дѣтямъ это образованіе.

«Слѣдовательно, дворяне все-таки будутъ занимать офицерскія мѣста; но весьма важно то, что они будутъ занимать ихъ не потому, что они дворяне, а потому, что они образованные люди.

«Изъ солдатъ выдержатъ экзаменъ въ офицеры только люди, одаренные отъ природы особенными способностями. Армія пріобрѣтетъ въ нихъ отличныхъ офицеровъ; но для того, чтобы общество съ почтеніемъ смотрѣло на подобныя личности, необходимо, чтобы въ солдатскомъ званіи имъ не угрожало наказаніе тѣлесное: иначе на офицеровъ, выслужившихся изъ солдатъ, всегда будутъ смотрѣть съ пренебреженіемъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній. Въ настоящее время, въ Англіи называютъ ихъ blocks (бревнами, то что у насъ бурбоны), и положеніе ихъ въ обществѣ самое ложное. Даже солдаты обыкновенно не любятъ подобныхъ начальниковъ и жалуются на ихъ грубость и невѣжество. «На нашихъ спинахъ они хотятъ выместить удары, ко-

торые сами получали», говорятъ о нихъ англійскіе солдаты. Вотъ какъ смотрятъ на этотъ вопросъ ученые и лучшіе образованные люди въ Англіи.

«Другіе, въ добросовѣстности которыхъ нельзя также сомнѣваться, разсуждаютъ иначе: вотъ что говорилъ мнѣ докторъ Бельфуртъ, инспекторъ военныхъ госпиталей: тѣлесное наказаніе необходимо *de facto* уничтожить; по крайней мѣрѣ, каждый занимающійся медициной и физиологіей не можетъ въ этомъ сомнѣваться. Тѣлесное наказаніе разрушаетъ не только нравственныя, но и физическія силы человѣка; но необходимо, чтобы оно осталось *de jure* въ кодексѣ, какъ угроза за позорныя преступленія (такъ, какъ это было въ Пруссіи до 1852 года, гдѣ тѣлесное наказаніе существовало только за мародерство и для военныхъ арестантовъ за убійство и насиліе).»

Въ слѣдующемъ письмѣ изъ Лондона же, писанномъ въ августѣ 1860 года, авторъ сообщаетъ болѣе подробныя свѣдѣнія, на какихъ основаніяхъ и какимъ образомъ государственные люди Англіи думаютъ произвести общую реформу военной системы. Замѣчательна осторожность, съ какою они берутся за это дѣло. Такъ какъ замѣна стараго порядка новымъ требуетъ совершенно иныхъ условій отъ офицеровъ, начальствующихъ надъ солдатами, то, прежде чѣмъ рѣшиться на эту замѣну, стараются узнать: на сколько эти офицеры приготовлены къ новой роли. Мы уже столько разъ повторяли, въ продолженіе нашихъ замѣтокъ, что переходъ отъ средствъ чисто физическихъ къ средствамъ чисто нравственнымъ, переходъ, сдѣлавшійся необходимымъ и по духу времени и по требованію науки, весьма труденъ именно потому, что рождается вопросъ: многіе ли изъ прежнихъ дѣятелей въ состояніи будутъ примѣниться къ новымъ требованіямъ?

Вотъ что говоритъ авторъ: «я получилъ новыя любопытныя свѣдѣнія о вопросѣ относительно уничтоженія тѣлеснаго наказанія въ англійской арміи, или, лучше сказать, о приготовленіяхъ къ поднятію этого вопроса.

«Въ Англіи лучшіе государственные люди поступаютъ чрезвычайно осторожно и никогда не возбуждаютъ вопроса, покуда не получатъ увѣренности, что извѣстная, значительная партія лицъ заинтересованныхъ будетъ на ихъ сторонѣ.

«Вопросъ о тѣлесномъ наказаніи тѣсно связанъ съ вопросомъ о преобразованіи англійской арміи вообще. Въ предъидущемъ

письмѣ я упомянулъ, что въ англійскую армію поступаетъ всякій сбродъ. Можно ли привлечь въ ряды арміи честныхъ людей, честнаго работника, честнаго крестьянина? На это лучшіе государственные люди отвѣчаютъ: «да, можно; но главное препятствіе составляетъ то, что до сихъ поръ офицеры старой школы смотрѣли на солдата, какъ на какое-то низшее существо, какъ на парію. Слѣдовательно, весь вопросъ приводится къ тому, чтобъ узнать смотрятъ ли теперь иначе и видятъ ли молодое поколѣніе офицеровъ и наиболѣе образованные высшіе офицеры въ солдатѣ человѣка, поступающаго въ ряды арміи для защиты отечества, или, по прежнему, смотрятъ они на солдата, какъ на парію.

«И потому люди, стремящіеся къ преобразованію англійской арміи на болѣе рациональныхъ основаніяхъ, стараются теперь возбудить этотъ вопросъ между офицерами и, уяснивъ дѣло, предложить законодательныя мѣры.»

Мѣры эти должны состоять въ слѣдующемъ:

«1) Уничтоженіе bounty—платы, выдаваемой на руки солдатамъ, поступающимъ въ ряды арміи, и соразмѣрное возвышеніе жалованья или пенсіи при отставкѣ.

«2) Каждый желающій поступить на службу долженъ представить свидѣтельство о хорошемъ поведеніи (certificate of good conduct).

«3) Совершенное уничтоженіе тѣлеснаго наказанія.

«4) Солдаты должны быть производимы по экзамену въ унтеръ-офицеры; унтеръ-офицеры, выдержавшіе экзаменъ по программѣ, обязательной нынѣ для воспитанниковъ дворянскаго военнаго училища въ Сандгурстѣ, получаютъ право на производство въ офицеры.

«Я имѣю доказательства, что относительно всѣхъ этихъ мѣръ военное начальство старается узнать мнѣніе болѣе образованныхъ офицеровъ. Такъ, напримѣръ, вопросъ этотъ былъ предложенъ (*) офицерамъ военной академіи въ Сандгурстѣ, и всѣ они, начиная съ начальника академіи, весьма замѣчательнаго человѣка, бывшаго губернатора или военнаго начальника въ Канадѣ, сэра Макъ-Дуглана, объявили себя рѣшительно въ пользу этихъ мѣръ, и такъ какъ весь вопросъ состоитъ въ томъ, будутъ ли офицеры смотрѣть на солдата, выдержавшаго экзаменъ по про-

(*) Все это дѣлается не офиціально, а частнымъ образомъ.

грамѣ для дворянъ, какъ на товарища и равнаго себѣ, то эти господа высказали убѣжденіе, что человѣка, который выдержитъ экзаменъ и котораго формуляръ не запятнанъ, они будутъ считать себѣ равнымъ и что подобный человѣкъ никогда никѣмъ не будетъ оскорбленъ безнаказанно.

«И не одни только молодые офицеры объявляютъ себя въ пользу рѣшительныхъ преобразованій въ англійской арміи: такъ, напримѣръ, сослуживецъ и дѣйствительно другъ Веллингтона, отецъ начальника академіи, человѣкъ, прослужившій 50 лѣтъ въ рядахъ арміи, старикъ Макъ-Дугланъ рѣшительно въ пользу уничтоженія тѣлеснаго наказанія.

«Вопросъ этотъ сильно возбужденъ; всѣ сознаютъ его важность. Но когда послѣдуютъ преобразованія, никто не можетъ поручиться.

«Люди, стоящіе въ главѣ нынѣшняго военнаго управленія, вполне сочувствуютъ рѣшительнымъ преобразованіямъ англійской арміи; но они только тогда предлагаютъ эти мѣры, когда убѣдятся, что большинство офицеровъ или, по крайней мѣрѣ, всѣ люди, болѣе образованные и имѣющіе вліяніе на товарищей, будутъ на ихъ сторонѣ. Частныя мѣры принимаются постоянно, какъ, напримѣръ:

а) Bounty (плата, выдаваемая на руки поступающимъ на службу), которая доходила иногда до 5, даже до 10 фунтовъ, уменьшена теперь до 2 и вскорѣ должна быть низведена до 1 фунта.

б) Въ корпусъ инженеровъ принимаютъ уже теперь только людей, представляющихъ свидѣтельства о хорошемъ поведеніи и доказавшихъ на экзаменѣ, что они получили элементарное образованіе.

с) Нижнимъ чинамъ инженернаго корпуса, послѣ выслуги опредѣленнаго срока, предоставлены мѣста чиновниковъ (clerk's) въ военномъ министерствѣ (все это сдѣлано въ послѣднее время).

«Сэръ Сидней-Гербертъ, говоря со мной объ этихъ распоряженіяхъ, сказалъ мнѣ: «вы увидите, пройдетъ годъ, два, и вы не узнаете нашей арміи».

Такимъ образомъ, Англичане надѣются, что у нихъ современемъ всѣ военнослужащіе чины, какъ теперь офицеры, будутъ не наемщики, а вольноопредѣляющіеся, и что высшимъ наказаніемъ будетъ изгнаніе изъ рядовъ арміи.

Начало уже сдѣлано, и съ нынѣшняго года военные суды начали приговаривать къ изгнанію изъ рядовъ арміи (cashiering) солдатъ, тогда какъ прежде это постановленіе относилось только къ офицерамъ.

Когда все это осуществится, можно будетъ позавидовать Англичанамъ. Стотысячная ихъ армія будетъ представлять лучшіе кадры, которые, въ случаѣ опасности, удесятятся волонтерами.

Всѣ эти прекрасныя предположенія, безъ всякаго сомнѣнія, осуществляются, и даже не въ отдаленномъ будущемъ, хотя есть еще партія, состоящая большею частію изъ такъ называемыхъ block's (нашихъ бурбоновъ), старыхъ служаекъ, которые называютъ себя сослуживцами и поклонниками-друзьями Веллингтона и которые рассуждаютъ слѣдующимъ образомъ: «тѣлесное наказаніе существовало у насъ въ огромнѣйшихъ размѣрахъ, и мы одерживали славныя побѣды: кто же намъ поручится, что послѣ уничтоженія его наша армія не испортится?» На это отвѣчаютъ имъ образованные военные люди: тѣлесное наказаніе существовало во всей Европѣ въ огромнѣйшихъ размѣрахъ, и теперь, съ распространеніемъ образованія, вездѣ почти уничтожено. Въ Австріи оно осталось; во Франціи нѣтъ о немъ и помину, а, между тѣмъ, Маджента и Сольферино — дѣла французскихъ солдатъ, болѣе чѣмъ французскихъ генераловъ.

«Я самъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ разговоровъ въ засѣданіяхъ отдѣленій конгресса, въ частныхъ собраніяхъ его членовъ, въ альдершотскомъ лагерѣ и проч. Я говорилъ съ офицерами генеральнаго штаба, и съ офицерами, занимающими важныя должности въ военномъ министерствѣ, съ офицерами гвардейскаго корпуса, и всегда почти слышалъ одно и то же. Я стараюсь какъ можно вѣрнѣе передать всѣ взгляды, которые узналъ по этому вопросу.

«Оказывается, что въ Англіи, такъ же какъ и въ континентальныхъ государствахъ, есть почтенные служаки, которые не могутъ даже вообразить возможности командованія безъ палки.

«Фактъ очень естественный, какъ мы говорили въ предшествующихъ статьяхъ, въ людяхъ, привыкшихъ опираться только на физическую силу, которую, съ уничтоженіемъ палки, нужно будетъ замѣнить силою нравственнаго вліянія»....

Несмотря на противодѣйствіе почтенныхъ block's'овъ, и въ настоящее время въ англійской арміи тѣлесныя наказанія значительно ограничены и подчинены особымъ правиламъ.

Вотъ эти постановленія:

«1) Каждый солдатъ при поступленіи на службу считается въ 1-мъ классѣ.

«2) Только по приговору военнаго суда за важныя преступленія онъ можетъ быть смѣщенъ во 2-й классъ. Въ числѣ этихъ преступленій показаны въ приказѣ побѣги, но подъ этимъ разумѣются побѣги съ важными отягчающими обстоятельствами. Я просмотрѣлъ — говоритъ авторъ — архивы военныхъ судовъ и убѣдился, что весьма рѣдко солдатъ смѣщается во 2-й классъ (*). О каждомъ такомъ смѣщеніи или разжалованіи частные начальники обязаны доносить главнокомандующему и военному министру, которые весьма недовольны, если въ какой нибудь части это часто повторяется.

«3) Солдатъ 2-го класса только за важныя преступленія, по приговору военнаго суда, подлежитъ тѣлесному наказанію. Въ приказѣ показаны также, напримѣръ, побѣги; но подъ этимъ разумѣются побѣги съ отягчающими обстоятельствами.»

Такъ что *de facto* тѣлесное наказаніе почти не существуетъ теперь въ англійской арміи.

«Въ подтвержденіе словъ этихъ, прилагаю отчетъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, въ 1858 году, въ арміи. Изъ него оказывается, что въ 85 полкахъ, въ продолженіе цѣлаго года, ни одинъ солдатъ не былъ наказанъ. Въ продолженіе всего года, во всей англійской арміи было тѣлесно наказанныхъ только 112 человекъ.»

Изъ этихъ цифръ видно, какую побѣду одержало общественное мнѣніе надъ рутиною; нѣтъ сомнѣній, что послѣдняя окончательно уступить новымъ понятіямъ о вооруженной силѣ государства и о иѣрахъ къ наилучшему развитію въ войскѣ дисциплины. Конечно, такую переменную армія можетъ только выиграть во всѣхъ отношеніяхъ.

О военныхъ тюрьмахъ въ письмѣ говорится мало. Авторъ упоминаетъ о большомъ количествѣ матеріаловъ, собранныхъ имъ по этому предмету, разработку котораго онъ отлагаетъ до будущаго времени. Впрочемъ, изъ тѣхъ немногихъ замѣчаній, которыя онъ помѣстилъ въ письмѣ своемъ, видно, что военныя тюрьмы служатъ весьма дѣйствительнымъ средствомъ къ исправленію преступниковъ и могутъ съ большою пользою замѣнить

(*) Сколько извѣстно, во 2 классѣ состоитъ всего около 2 проц. солдатъ всей арміи.

тѣлесныя наказанія. Что этотъ родъ наказанія, т. е. келейное заключеніе, дѣйствительнѣе тѣлеснаго наказанія, свидѣтельствуется и опытъ, основанный на наблюденіи, по которому оказывается, что даже тѣ грубыя натуры, которыя становились совершенно равнодушными и нечувствительными къ тѣлесному наказанію, не могутъ привыкнуть къ келейному заключенію.

Вотъ изображеніе англійской военной тюрьмы:

Полковныя военныя тюрьмы состоятъ изъ маленькихъ чистыхъ комнатокъ, въ которыхъ есть кровать, столъ, табуретка и проч. Солдаты обыкновенно осуждаются на одиночное заключеніе, соединенное съ тяжелымъ трудомъ (Hard Labour.)

Hard Labour состоитъ въ томъ, что заключенные три часа маршируютъ (Drill), три часа переносятъ тяжести (Shot) и два часа занимаются различными другими физическими упражненіями всѣ вмѣстѣ, въ сборѣ. При этомъ имъ запрещается говорить, перемигиваться и сообщаться между собою.

Все это дѣлается по часамъ, по минутамъ, съ математическою почти точностію, какъ въ заведенной машинѣ.

Остальное время они проводятъ въ одиночныхъ кельяхъ. Если ктонибудь осмѣлится заговорить или перемигнуться съ товарищемъ, то, въ наказаніе, его не выводятъ нѣсколько дней на работу.

Тяжело и скучно переносить тяжести и маршировать кругомъ маленькаго, нарочно для того устроеннаго помѣщенія, на дворѣ тюрьмы; однакожь, увѣряютъ, что мало кто изъ заключенныхъ рѣшается нарушить запрещеніе: до такой степени человекъ боится келейнаго одиночества.

Устройство тюрьмы и содержаніе заточенныхъ совершенно сходны съ французскими; но главное отличіе ихъ — трудъ въ Англии не производительный, никому не приносящій пользы, во Франціи же производительный, приносящій пользу и обществу и преступнику, заставляетъ отдать полное предпочтеніе послѣднимъ. Дѣйствительно, этотъ Shot-exercise представляетъ явленіе совершенно непонятное: какимъ образомъ Англичане, такъ дорого цѣнящіе время и силу, рѣшаются и то и другое преднамѣренно тратить совершенно безъ всякой пользы.

Это одна изъ многихъ непонятныхъ странностей, встрѣчаемыхъ въ Англии.

Пользуясь разрѣшеніемъ автора (за которое мы изъявляемъ ему глубокую признательность) не стѣсняйся, при составленіи

нашихъ замѣтокъ о его письмахъ, условіями литературной собственности, въ предшествующихъ статьяхъ мы старались извлечь изъ нихъ все, что могло служить къ полнѣйшему уразумѣнію духа и системы военно-уголовныхъ законодательствъ четырехъ главныхъ европейскихъ державъ. Гдѣ намъ казалось нужнымъ, мы сопровождали эти извлеченія нѣкоторыми поясненіями, руководствуясь новѣйшими выводами теоріи уголовного права вообще, такъ какъ военно-уголовное право есть только специализированная его отрасль. Дѣлали мы это съ тою цѣлю, чтобы показать нашимъ читателямъ, какъ близко сходятся теоретическіе выводы науки съ результатами, представляемыми опытомъ, несмотря даже на то, что въ опытѣ этотъ не были введены всѣ элементы, предлагаемые наукой. Такимъ образомъ, совокупнымъ содѣйствіемъ теоріи и практики (которая поучаетъ насъ положительно, какъ во Франціи, или отрицательно, какъ въ Австріи), мы старались убѣдить нашихъ читателей въ томъ, что лучшая дисциплинарная система основывается на умственномъ и нравственномъ образованіи солдата, на почетѣ военной службы, на уваженіи къ личности солдата, на точности и опредѣленности всѣхъ правилъ службы и взаимныхъ отношеній между различными степенями, на которыхъ находятся военнслужащіе, и наконецъ на всеобщемъ, безпрекословномъ исполненіи всѣми, безъ изыятія, этихъ правилъ. Последнее условіе гарантируется только первымъ. Только отъ человѣка просвѣщеннаго можно ожидать яснаго пониманія и дѣльнаго исполненія своихъ обязанностей; а потому первое условіе хорошей дисциплины, еще разъ повторяемъ, лежитъ въ умственномъ и нравственномъ развитіи солдатъ.

Что же касается до военно-пенитенціарной системы, дѣйствія которой начинаются тамъ, гдѣ оканчиваются наказанія дисциплинарныя, то мы убѣждены—и опытъ даетъ еще большую силу нашему убѣжденію—что исправительная система до такой степени имѣетъ большія преимущества передъ устрашительною, что ихъ даже сравнивать нельзя ни относительно ихъ теоретическаго достоинства, ни относительно результатовъ. Въ предшествующихъ статьяхъ, особенно въ замѣткахъ по поводу письма изъ Франціи, мы показали, какими учрежденіями проявили себя обѣ эти системы.

Относительно судебного процесса нельзя колебаться въ выборѣ между закрытымъ судомъ и гласнымъ судопроизводствомъ.

Основанія подобнаго заключенія изложены въ той же замѣткѣ о Франціи, и повторять ихъ здѣсь мы находимъ излишнимъ.

Но, несмотря на всѣ достоинства исправительной системы, мы позволимъ себѣ сдѣлать замѣчаніе: средства, употребляемая ею, намъ кажется, не достигли еще окончательнаго совершенства. Основанія этой системы не подлежатъ возраженію: они совершенно согласны и съ нравственною природою челоуѣка, и съ тѣми непреложными и вѣчными истинами, которыя составляютъ краеугольный камень общественной жизни и изъ которыхъ развилась идея государства. Хотя основанія эти сознаны и съ математическою точностію опредѣлены наукою, однако она, нужно сознаться, не успѣла еще найти формы достаточно совершенной для ихъ воплощенія. Примѣненіе этихъ основаній не можетъ быть однообразно: для того, чтобы исправительная теорія оставалась вѣрна самой себѣ, своей основной идеѣ, нужно, чтобы и средства ея были столь же разнообразны, какъ разнообразны характеры и нравственныя свойства отдѣльныхъ личностей, какъ разнообразны ихъ положенія, условія быта, какъ разнообразны наконецъ побужденія, обстоятельства и слѣдствія преступленія. Между тѣмъ, исправительная теорія (впрочемъ, какъ и всякія другія), подобно тому мольеровскому доктору, который отъ всѣхъ болѣзней назначалъ всегда: *seignare, purgare et clysterisare*, за всякія преступленія назначаетъ одно и то же келейное заключеніе. Правда, есть различныя степени въ самомъ примѣненіи этого наказанія, которое, по смыслу исправительной системы, имѣетъ значеніе нравственнаго лекарства; но это то же, что, напримѣръ, леченіе физическаго организма отъ всякаго рода болѣзней различными дозами пух vomica. Положимъ, пух vomica менѣе вредитъ организму, чѣмъ, напримѣръ, меркурій, но все-таки признать его за универсальное лекарство невозможно.

Какъ медицина имѣетъ огромные каталоги медикаментовъ, употребленіе которыхъ зависитъ отъ искусства врача, такъ точно и въ нравственной медицинѣ должны быть различныя средства, сообразно различнымъ обстоятельствамъ.

До сихъ поръ этого нѣтъ, и эта слабая сторона всѣхъ теорій уголовного права замѣтна также и въ теоріи исправительной. Но, завсѣмъ тѣмъ, исправительная теорія имѣетъ то преимущество, что если могутъ встрѣтиться случаи, гдѣ ея уни-

версальное лекарство не поможетъ пациенту, то смѣло можно поручиться, что оно никому не принесетъ вреда.

О теоріи же устрашенія сказать этого нельзя.

Требованія наши отъ уголовного права вообще и отъ военно-уголовнаго въ особенности очень велики, и едва ли близко то время, когда они осуществляются; но мы вѣримъ, что это время наступитъ и что теорія исправительная приведетъ къ такому результату, ибо она въ основаніе свое кладетъ психологическіе и фізіологическіе законы какъ индивидуальнаго организма, такъ и организма общества.

Теперь, чтобы окончательно выполнить обязательство, принятое нами передъ читателями «Военнаго Сборника», мы должны представить имъ, разбросанныя въ различныхъ мѣстахъ писемъ, соображенія автора о томъ, до какой степени, въ какихъ размѣрахъ и какимъ образомъ можно воспользоваться примѣромъ западныхъ державъ при преобразованіи нашего военно-уголовнаго законодательства.

Правительство наше, идя во главѣ народнаго развитія, само предприняло рядъ реформъ и преобразованій, не ожидая той минуты, когда многія несовершенства нашего законодательства сдѣлаются предметомъ общаго сознанія.

Несовершенство нашего военно-уголовнаго законодательства не избѣгло заботливаго вниманія правительства, и мы не боимся упрека въ нескромности, ежели поспѣшимъ подѣлиться съ нашими товарищами-сослуживцами радостною вѣстію, что въ Военномъ Министерствѣ, какъ мы слышали, начались уже работы по этому предмету. Каждый изъ благоразумныхъ читателей, сколько нибудь знакомый со сложностію и трудностію такого дѣла, какъ переходъ отъ одной законодательной системы къ другой, легко пойметъ, сколько осторожности и осмотрительности нужно для его исполненія, а это естественно требуетъ немалого времени, тѣмъ болѣе, что всякая перемѣна въ военномъ законодательствѣ идетъ рука-объ-руку съ общими государственными законами.

Авторъ разбираемыхъ писемъ былъ посланъ за границу для сбора матеріаловъ, которые могли бы принести пользу этому труду; краткіе, но весьма любопытные отрывки его наблюденій читателю извѣстны изъ его писемъ. Теперь же авторъ, сколько намъ извѣстно, призванъ къ болѣе серьезной работѣ при Аудиторіатскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства.

Извѣстно, и въ послѣднее время по поводу различныхъ преобразованій часто повторялось въ литературѣ, что самое лучшее учрежденіе, цѣликомъ перенятое у иностранцевъ, а не явившееся въ обществѣ путемъ естественнаго развитія, будетъ нелѣпостію и не принесетъ никакой пользы. Это совершенно справедливо. Каждый народъ, каждое государство живетъ своею собственною, отдѣльною жизнью и само для себя выработываетъ всѣ необходимые элементы для поддержанія и развитія этой жизни. Но, несмотря на племенное различіе, на особенности народныхъ характеровъ, на разнообразіе условій историческаго развитія, человѣкъ, особенно нравственный, вездѣ одинаковъ: онъ одинаково чувствуетъ и мыслить на полюсѣ, какъ и на экваторѣ, во Франціи, какъ и въ Японіи, въ Америкѣ и въ Турціи. Степень развитія можетъ быть, какъ сказано, весьма различна, но нравственная природа вездѣ одинакова. Потому вездѣ встрѣчаются явленія общія всему человечеству, независимо отъ частныхъ условій. Ясно, что результаты науки, имѣющей предметомъ нравственнаго человѣка (а онъ именно и есть предметъ уголовного права), повсюду примѣнимы. Конечно, самое воплощеніе исправительной теоріи въ Россіи можетъ въ частностяхъ различаться отъ примѣненія ея во Франціи; но основанія ея одинаково вѣрны какъ относительно Француза, такъ и относительно Русскаго.

Не будемъ говорить больше о пользѣ и необходимости введенія исправительной системы уголовного права: намъ предстоитъ рѣшеніе вопроса о степени возможности этой реформы у насъ. Вопросъ этотъ разсматриваетъ и авторъ разбираемыхъ писемъ и отвѣчаетъ на него примѣромъ.

Вотъ что говоритъ онъ:

«Необходимости упоминаемой реформы противопоставляютъ часто, въ видѣ возраженія, слѣдующій вопросъ: возможно ли вдругъ радикально измѣнить всю систему наказаній? Не вдаваясь въ теоретическіе споры, можно дать практической отвѣтъ, выставивъ историческій примѣръ.

«Со времени утвержденія французскаго владычества въ Африкѣ туземное народонаселеніе во всѣхъ дѣлахъ уголовныхъ судится по французскимъ законамъ: въ округахъ, въ которыхъ введено гражданское управленіе—по общему уголовному кодексу (Code pénal), въ округахъ военныхъ—по военно-уголовному кодексу (Code de justice militaire).

«Извѣстно, каковы были законы алжирскихъ деевъ. Казни, пытки, бичеванье были по этимъ законамъ дѣломъ обыкновеннымъ. Являются Французы и тотчасъ же вводятъ свои военно-уголовные законы, свое судопроизводство. Извѣстно также, что, по французскимъ законамъ, главное наказаніе составляетъ заключеніе, соединенное съ болѣе или менѣе тяжелымъ трудомъ (*travaux forcés, travaux publics*). Смертная казнь хотя по закону существуетъ, но, въ особенности въ послѣднее время, весьма рѣдко приводится въ исполненіе, замѣняясь безсрочной каторгой (см. «*Comptes rendus sur l'administration de la justice militaire*» за послѣдніе годы).

«Казалось, можно было предположить, что туземцы, привыкшіе къ неистовой, свирѣпой расправѣ своихъ деевъ и кадіевъ, будутъ смѣяться надъ слабостію наказаній по французскимъ законамъ. Вышло совершенно противное: не только туземное народонаселеніе вообще, но и законнѣлые негодяи, привыкшіе къ пыткамъ и тѣлесной расправѣ, болѣе теперь боятся умѣренного, справедливаго, но бдительнаго преслѣдованія французскихъ судовъ, чѣмъ наглой расправы, прежде у нихъ свирѣпствовавшей.

«Это, намъ кажется, лучшее наглядное доказательство превосходства исправительной пенитенціарной системы. Между тѣмъ, благодаря введенію этой системы, нравы туземцевъ смягчаются и облагораживаются.

«Слѣдовательно, если крутой переходъ отъ пытки и тѣлесныхъ наказаній къ исправительной системѣ, основанной на тюремномъ заключеніи, оказался спасительнымъ въ Африкѣ, среди дикихъ, разбойническихъ племенъ, тѣмъ болѣе онъ возможенъ и необходимъ среди мирныхъ славянскихъ народонаселеній.»

Такъ смотритъ на это дѣло авторъ.

Но намъ кажется, что примѣръ этотъ доказываетъ только то, что мы столько разъ повторяли, т. е. дѣйствительность и основательность исправительной системы; для опредѣленія же возможности перехода отъ нашей старой системы военно-уголовныхъ законовъ къ новой, нужно имѣть въ виду два обстоятельства: 1) матеріальныя средства, которыя потребуются отъ государства, и 2) впечатлѣніе, какое произведетъ эта перемѣна на войска.

Мы, конечно, далеки отъ смѣлости взять на себя рѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ; но позволимъ себѣ, по силѣ крайняго

нашего разумѣнія, высказать нѣкоторыя соображенія, касающіяся этихъ вопросовъ, какъ наше личное мнѣніе.

Для радикальнаго перехода къ исправительной пенитенціарной системѣ въ нашей арміи потребуется:

- 1) Уничтоженіе тѣлеснаго наказанія.
- 2) Устройство постоянныхъ и независимыхъ судовъ.
- 3) Введеніе словеснаго и гласнаго процесса.
- 4) Устройство военно-рабочихъ тюремъ.

Въ разсужденіи матеріальныхъ средствъ, которыхъ потребуетъ отъ государства новая система, особенно важно послѣднее, т. е. устройство и содержаніе военно-рабочихъ тюремъ.

Расходы на этотъ предметъ потребуются двоякіе: одни одновременные—на устройство тюремъ, а другіе постоянные—на ихъ содержаніе.

Мы, конечно, не можемъ представить даже и приблизительнаго опредѣленія издержекъ на постройку тюремъ: это предметъ инженерной техники и зависитъ отъ многихъ условій, которыхъ заранѣе опредѣлить невозможно, какъ, напримѣръ, отъ количества, мѣста расположенія и обширности зданій. Эти обстоятельства могутъ быть опредѣлены только при составленіи проекта. Но намъ кажется, что, при большомъ количествѣ казенныхъ зданій, въ болѣе значительныхъ городахъ, наконецъ при обиліи остроговъ и арестантскихъ ротъ, издержки на устройство тюремъ уменьшатся значительно, въ сравненіи съ тою суммою, какая бы потребовалась на постройку новыхъ зданій.

Затѣмъ слѣдуетъ содержаніе тюремъ.

Приведемъ соображеніе автора по этому предмету. Онъ говоритъ: «хотя въ виду громадныхъ результатовъ отъ упоминаемой реформы экономическія соображенія теряютъ свою силу, однако легко доказать неосновательность и того возраженія, что новая система гораздо дороже старой.

«Расходы на содержаніе военно-исправительныхъ тюремъ не столь значительны, какъ обыкновенно воображаютъ. Вся военно-судная часть во Франціи, начиная со слѣдователя до смотрителя тюрьмы, содержаніе постоянно 4,000 человекъ, приговоренныхъ къ заключенію и обязательному труду, и 5,000 подсудимыхъ обходится правительству 1,750,993 фр. 45 сант., т. е. 437,748 р. 36¹/₄ к. сер. Русская армія вдвое почти многочисленнѣе французской и въ ней почти вдвое болѣе подсудимыхъ, и потому, по этой системѣ, расходы на военно-судную часть

составили бы 875,000 р. сер. Вспомнимъ, что въ этомъ числѣ 164,604 р. 17³/₄ коп. составляютъ солдатскій паекъ. Едва ли не тѣ же расходы несемъ мы теперь. У насъ однихъ чиновъ аудиторіатскаго вѣдомства болѣе 700 человекъ. Жалованье они получаютъ незначительное, но все-таки оно составляетъ около 300,000 р. сер. Во Франціи же всего 36 военныхъ прокуроровъ (*commissaires impériaux*), 26 слѣдователей (*rapporteurs*) и 50 письмоводителей въ военныхъ судахъ, да въ ревизіонныхъ 7 императорскихъ комиссаровъ и 10 письмоводителей. Слѣдовательно, по этому разсчету, у насъ пришлось бы имѣть 86 военныхъ прокуроровъ, 72 слѣдователя и 120 письмоводителей, всего 278 человекъ, вмѣсто нынѣшнихъ 700 человекъ аудиторовъ. Если сосчитать содержаніе Генераль-Аудиторіата и Аудиторіатскаго Департамента, стоимость содержанія арестантовъ, если считать, какъ долго тянутся у насъ военно-судныя дѣла, и проч., то едва ли все это не составляетъ 875,000 р. сер. Но еслибъ даже расходы на военно-судную часть были у насъ гораздо менѣе этой суммы, вспомнимъ, что во Франціи, при отсутствіи тѣлесныхъ наказаній, солдату въ заключеніи предоставлены всѣ средства къ исправленію, что половина заключенныхъ получаетъ элементарное образованіе, что каждый въ заключеніи выучивается извѣстному ремеслу, привыкаетъ къ труду и получаетъ къ нему навыкъ и охоту.

Согласно вышеприведенному разсчету, принимая, по французской системѣ, единственнымъ наказаніемъ тюремное заключеніе, соединенное съ обязательнымъ трудомъ, и считая корпусъ въ 40,000 человекъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ изъ этого числа около 400 будетъ находиться въ военно-исправительныхъ тюрьмахъ (*ateliers, penitenciers*). (У насъ соотвѣтствуютъ имъ по своему назначенію арестантскія роты, которыхъ помѣщенія нужно только перестроить.) Изъ 40,000 человекъ, подъ судомъ въ годъ будетъ около 500, среднимъ числомъ отъ 150 до 180 чел. разъ, положимъ даже 200 человекъ.

Слѣдовательно, нужно было бы устроить для корпуса военно-исправительныхъ тюремъ, вмѣсто нынѣшнихъ арестантскихъ ротъ, на 400 человекъ и временныя тюрьмы для подсудимыхъ на 200 человекъ. По этому же разсчету, пѣхотная дивизія въ 10,000 человекъ будетъ имѣть чрезъ нѣсколько лѣтъ въ военно-исправительныхъ тюрьмахъ 100 человекъ и въ годъ подъ судомъ 125, то есть заразъ подъ судомъ 40—50 человекъ. Последнихъ,

покуда не будутъ построены военныя тюрьмы, можно содержать на гауптвахтахъ или въ особыхъ отдѣленіяхъ при острогахъ. Замѣтимъ также, что у насъ до сихъ поръ, относительно, менѣе человѣкъ предается суду, чѣмъ во Франціи; но при этомъ расчетѣ предполагается, что, ограничивъ мѣру дисциплинарныхъ наказаній, число это увеличится и сравнится съ числомъ подсудимыхъ во Франціи.

— Вотъ, по свидѣтельству автора, стоимость англійскихъ военныхъ тюремъ:

Въ 1858 году содержалось въ военныхъ тюрьмахъ 6,488 человѣкъ; среднимъ числомъ каждый заключенный содержался 53 дня, это все равно, еслибъ 942 человѣка содержались цѣлый годъ ($\frac{6488 \times 53}{365}$). Всѣ расходы на содержаніе смотрителей тюремъ (governors), ихъ помощниковъ и прислуги, а также содержаніе преступниковъ обошлись казнѣ въ 18,125 фунтовъ. Содержаніе же этихъ (942) солдатъ (full pay and beer money), по бюджету, составляло расходъ въ 19,577 фунтовъ. Слѣдовательно, содержаніе всѣхъ (942) въ тюрьмѣ обошлось казнѣ 1,452 фунт. дешевле, т. е. почти 1½ фунта (около 10 р. сер.) дешевле на человѣка.

То есть содержаніе каждаго солдата англійскаго (full pay and beer money), по бюджету, обходится въ 20 фунтовъ (500 франковъ), 125 руб. сер.; въ тюрьмѣ, принимая въ расчетъ всѣ расходы на тюрьмы, около 115 р. сер.

— Въ настоящее время, у насъ существуетъ около 40 арестантскихъ ротъ и въ нихъ содержится 5,000 арестантовъ (число ихъ колеблется между 5,000 и 6,000). Они, какъ извѣстно, употребляются на казенныя работы, преимущественно крѣпостныя. Трудъ ихъ обязательный, и на него смотрятъ какъ на вознагражденіе государству за издержки по содержанію арестантовъ. Не говоря уже о качествѣ работы, которая, какъ показала опытъ, при обязательномъ, не вознаграждающемся трудѣ, несмотря ни на какіе присмотры и строгости, всегда неудовлетворительна, самое количество работы арестантовъ не доходитъ до той суммы, которую государство издерживаетъ на ихъ содержаніе. Дѣйствительно, по послѣднимъ вычисленіямъ, сдѣланнымъ при Инженерномъ Департаментѣ, оказалось, что если бы на работы, производимыя въ настоящее время арестантами, правительство нанимало вольныхъ работниковъ, то работы эти

стоили бы государству менѣе, чѣмъ содержаніе арестантовъ. Не можемъ поручиться за безошибочность, но мы слышали, что арестанты выработываютъ только отъ половины до двухъ третей своего содержанія. Слѣдовательно, при настоящемъ состояніи нашихъ арестантскихъ ротъ, правительство теряетъ совершенно непроизводительно отъ половины до трети всего содержанія арестантовъ.

Ежели принять въ соображеніе значеніе нашихъ арестантскихъ ротъ, какъ заведеній чисто исправительныхъ, значеніе, котораго, какъ всѣмъ извѣстно, онѣ вовсе не достигаютъ, то непроизводительность вышеозначеннаго капитала, затрачиваемаго государствомъ на ихъ содержаніе, выступаетъ еще рельефнѣе.

Теперь содержаніе одного арестанта обходится государству отъ 50 до 60 руб. сер. въ годъ. За строгую точность этихъ цифръ мы, конечно, не отвѣчаемъ, но можемъ увѣрить читателей, что онѣ весьма близко подходятъ къ истиннымъ.

Каждый арестантъ стоитъ: по провіантскому и комиссаріатскому довольствію отъ 30 до 35 рублей, по управленію отъ 10 до 12 рублей, по содержанію и ремонту зданій отъ 10 до 15 руб., всего отъ 50 до 62 руб.

Возьмемъ *minimum* 50 руб. сер.

Работа каждаго арестанта стоитъ отъ половины до трети его содержанія, слѣдовательно отъ 25 до 33 руб.; значить, государство тратитъ на каждаго арестанта отъ 25 до 17 руб., положимъ въ среднемъ 20 руб. сер.

Въ исправительныхъ военно-рабочихъ тюрьмахъ, устроенныхъ по образцу, напримѣръ, французскихъ, каждый арестантъ занимается вольнымъ трудомъ, за который онъ получаетъ поденную, или задѣльную плату. Плата эта измѣняется, конечно, сообразно мастерству и искуству рабочаго. Но, предположивъ даже самаго неискуснаго работника, не знающаго никакого мастерства, способнаго только къ самой грубой работѣ, какъ, напримѣръ, бить камни или копать песокъ, то и такой работникъ у насъ выработаетъ въ день *minimum* 20 коп. сер.

Принимая во вниманіе даже и то обстоятельство, что подрядчики при наймѣ арестантовъ будутъ назначать имъ поденную плату нѣсколькими процентами ниже противу цѣнъ вольнонаемныхъ, все-таки 20 коп. сер. въ день намъ кажется весьма малымъ заработкомъ для арестанта; но остаѣвемся и на этой цифрѣ.

Полагая въ году 300 рабочихъ дней, заключенный въ исправительной тюрьмѣ выработаетъ въ годъ 60 руб. сер. Половина этой суммы обратится въ казну, другая раздѣлится: часть ея пойдетъ въ собственность арестанта, часть въ артель, а третья часть на преміи управленію. Мы беремъ минимумъ заработка самаго неспособнаго и неискускаго работника; мастеровые могутъ выработывать сумму гораздо значительнѣе. Но и въ этомъ случаѣ государство получаетъ съ каждаго арестанта именно столько, сколько стоитъ его работа, такъ что увольненіемъ арестантовъ отъ обязательнаго казеннаго труда и предоставленіемъ имъ права на трудъ вольный государство ровно ничего не теряетъ, напротивъ того выигрываетъ въ этомъ отношеніи столько, сколько работа вольнаго труда выше работы обязательной.

Мы полагаемъ, что нѣтъ надобности увеличивать содержанія заключенныхъ въ исправительной военно-рабочей тюрьмѣ противу теперешняго содержанія арестантовъ, то есть, что содержаніе первыхъ будетъ стоить казнѣ тѣ же 50 руб. сер. на человѣка. Это намъ кажется тѣмъ болѣе основательнымъ, что часть изъ выработной суммы пойдетъ въ артель; а это уже дастъ новыя средства улучшить матеріальный бытъ заключенныхъ. Значить, при томъ же расходѣ со стороны казны, положеніе заключенныхъ въ исправительной военно-рабочей тюрьмѣ будетъ лучше положенія теперешнихъ арестантовъ.

Итакъ, при новой пенитенціарной системѣ, каждый провинившійся солдатъ будетъ стоить казнѣ 50 руб. Теперешніе арестанты въ счетъ этой суммы выплачиваютъ казнѣ трудомъ своимъ до 30 руб., такъ что казна теряетъ на нихъ только 20 руб. При новой системѣ, каждый арестантъ въ счетъ этой же суммы уплатитъ государству 30 рублей, но не трудомъ, а наличными, выработанными деньгами, такъ что казна и въ этомъ случаѣ потратитъ на него только тѣ же самые 20 рублей.

Слѣдовательно, содержаніе арестантовъ въ пенитенціарныхъ военно-рабочихъ тюрьмахъ государству не будетъ стоить дороже противу настоящихъ арестантскихъ ротъ. Но за то какія громадныя выгоды пріобрѣтетъ оно въ нравственномъ отношеніи! Вмѣсто теперешнихъ разсадниковъ порока, возвращающихъ обществу людей испорченныхъ до корня, людей, недоступныхъ никакому исправленію, которые, разъ попавъ въ арестантскія роты, уже совершенно потеряны для общества, потому что

весьма рѣдко случается, чтобы выпущенный не возвращался туда обратно, и въ весьма скоромъ времени,—государство будетъ имѣть заведенія, дѣйствительно исправляющія порочныхъ, заведенія, возвращающія обществу людей, пріохоченныхъ къ труду, обученныхъ мастерству, грамотѣ, которые не только не будутъ ему въ тягость, но, напротивъ, своею полезною дѣятельностію загладятъ и воспоминаніе о своихъ проступкахъ. Это доказалъ уже опытъ; а, какъ мы сказали выше, есть такія явленія въ жизни обществъ, которыя, будучи справедливы для Французовъ, справедливы и для каждаго другаго народа. Результаты исправительной системы мы именно считаемъ подобнаго рода явленіемъ.

Какъ мы сказали выше, цифры, приведенныя нами, не имѣютъ строгой точности, но, въ то же время, онѣ и не расходятся значительно съ дѣйствительностію; потому мы съ тѣмъ большею увѣренностію повторяемъ, что матеріальныя издержки не могутъ составлять препятствія для принятія у насъ исправительной системы наказаній.

Гораздо болѣе серьезнымъ, требующимъ большой осмотрительности, представляется намъ второе обстоятельство, которое можетъ имѣть вліяніе на скорость введенія реформы въ нашемъ военно-уголовномъ законодательствѣ. Это обстоятельство, какъ мы сказали, *впечатлѣніе, какое произведетъ подобная перемѣна на армію.*

Мы вовсе не намѣрены упрекать людей, которые съ упорствомъ противятся измѣненію, по крайней мѣрѣ безотлагательному и радикальному, нашихъ военно-уголовныхъ законовъ. Напротивъ того, мы смотримъ на нихъ, какъ на людей честныхъ, которые не менѣе другихъ желаютъ преуспѣянія нашей арміи, но которые разнятся съ нами во взглядѣ на средства, ведущія къ этой цѣли. Защищать и отстаивать отжившую систему способны немногія, исключительныя личности, каковыхъ, какъ мы скажемъ ниже, слава Богу, не оказалось между нашими офицерами, по крайней мѣрѣ высшихъ чиновъ, которые имѣли случай высказать свои убѣжденія по поводу предполагаемой реформы. Но, сознавая все превосходство новаго порядка, многіе колеблются еще насчетъ возможности быстрой перемѣны. Разсужденія ихъ имѣютъ, повидимому, логическое основаніе; но мы позволимъ себѣ взглядѣться, нѣтъ ли ошибокъ въ этомъ основаніи, а слѣдовательно не грѣшатъ ли ошибочностію и выводы.

Вотъ на чемъ основывается мнѣніе противниковъ непосредственной, радикальной реформы:

Положительное законодательство, имѣя постоянное вліяніе на всѣ условія жизни каждаго изъ членовъ того общества, для котораго оно существуетъ, становится какъ бы чѣмъ-то присущимъ человѣку, входитъ въ его нравъ, пріобрѣтаетъ для него значеніе привычки. Мгновенное и радикальное измѣненіе положительнаго законодательства можетъ поставить общество въ такое положеніе, въ какомъ находится человѣкъ, который, послѣ многолѣтней привычки, принужденъ бываетъ отказаться отъ нея или замѣнить ее чѣмъ нибудь другимъ. Ему неловко, онъ связанъ, а въ особенности въ первое время онъ совсѣмъ почти растеряется. Въ такое же почти положеніе можетъ быть приведена армія съ непосредственнымъ измѣненіемъ всей системы военно-уголовнаго законодательства; а такое положеніе весьма гибельно можетъ подѣйствовать на нравственное состояніе арміи.

Избави насъ Богъ отъ мысли, что такое положеніе не есть весьма опасное для арміи—въ этомъ мы совершенно согласны—но мы должны сказать, что вопросъ вовсе не въ этомъ, а только въ томъ, дѣйствительно ли подобное положеніе можетъ быть вызвано радикальною реформою.

Мы крѣпко убѣждены, что нѣтъ, и убѣжденія наши основаны вовсе не на филантропическихъ химерахъ только, но на нѣкоторомъ знаніи русскаго солдата и на нѣкоторыхъ резонахъ, которые приведемъ ниже.

Сначала посмотримъ, дѣйствительно ли реформа эта будетъ такъ нова и неожиданна для нашей арміи. Но для отвѣта на этотъ вопросъ мы должны отличить въ арміи два элемента, на которыхъ реформа отразится различно: это—сословіе солдатъ и сословіе офицеровъ.

Самая чувствительная сторона этой реформы для солдатъ будетъ уничтоженіе тѣлеснаго наказанія. На нес-то главнымъ образомъ и направлены нападенія сторонниковъ, утверждающихъ, что уничтоженіе тѣлеснаго наказанія сниметъ какъ бы узду съ солдатъ и убьетъ всякую дисциплину.

Независимо отъ тѣхъ примѣровъ, которые мы видѣли въ письмахъ автора и по которымъ, напротивъ, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія всегда влекло за собою самыя лучшіе результаты для арміи, мы утверждаемъ, что это уничтоженіе не будетъ вовсе такой новизной для солдата, какъ думаютъ нѣкоторые.

Ужасъ тѣлеснаго наказанія живеть у насъ только старою славою, въ дѣйствительности же совѣмъ не то. Частію вліяніемъ высшаго военнаго управленія, частію собственнымъ сознаніемъ частныхъ начальниковъ, употребленіе тѣлеснаго наказанія въ послѣднее время весьма сильно ограничилось. Мы можемъ указать на цѣлыя дивизіи, гдѣ въ продолженіе года никого безъ суда не наказывали, однако дивизіи не только не разстроивались, но находятся въ весьма хорошемъ состояніи во всѣхъ отношеніяхъ.

Мы знаемъ много военныхъ начальниковъ, которые рѣшительно противу этого наказанія, сознавая весь вредъ его, и мы имѣемъ поводъ думать, что они на службѣ руководствуются этимъ воззрѣніемъ. Итакъ, мы смѣло можемъ заключить, что солдаты уже нѣсколько лѣтъ привыкають къ этой реформѣ и вовсе не удивляются тому, что ихъ не наказываютъ за то, за что достаточно сдѣлать выговоръ. Если же фактъ, который во многихъ мѣстахъ сталъ проявляться самъ по себѣ, силою только своего внутренняго содержанія, будетъ закрѣпленъ закономъ, отъ этого только выиграеть армія. Пусть солдатъ знаетъ, что освобожденіемъ отъ наказаній онъ обязанъ правительству, а не доброй волѣ начальника, закону, а не служебности.

Намъ кажется, было бы весьма полезно на первый разъ принять, подобно существовавшему въ Пруссіи, раздѣленіе солдатъ на два класса. Каждый поступившій на службу зачисляется въ 1-й классъ, который избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія, *и только по суду* можетъ быть смѣщенъ во 2-й классъ, гдѣ тѣлесное наказаніе можетъ быть употреблено, въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ сохраненіемъ извѣстныхъ, законами предписанныхъ формъ.

Прочія же части реформы, какъ-то: измѣненія въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ и въ устройствѣ тюремъ, не касаясь непосредственно внутренняго быта солдатъ, не могутъ оказать и непосредственнаго на нихъ вліянія. Онѣ окажутъ благотѣльное вліяніе для арміи впослѣдствіи, когда будутъ возвращать въ ряды ея людей исправленныхъ.

Мы заключаемъ изъ вышесказаннаго, что со стороны солдатъ никакихъ затрудненій не представляется къ скорому введенію реформы.

Теперь посмотримъ на другую часть арміи, не менѣе первой

важную, хотя сравнительно малочисленную, но важность которой измѣряется вовсе не числительностію, а значеніемъ ея въ арміи. Конечно, мы не позволимъ себѣ смотрѣть на реформу по вліянію ея на офицеровъ такъ, какъ смотрѣли по отношенію ея къ солдатамъ.

Офицеры наши принадлежатъ къ образованному классу государства; они въ состояніи оцѣнить эту реформу не только по вышнему ея значенію: они могутъ и должны понимать значеніе ея въ самомъ обширномъ смыслѣ, какъ для арміи, такъ для государства и для цивилизаціи страны. Со стороны офицеровъ не только не должно быть препятствій, но правительство вправѣ рассчитывать на ихъ содѣйствіе. Скажемъ даже болѣе: только при ихъ содѣйствіи реформа эта принесетъ тѣ результаты, на которые будетъ рассчитывать правительство при ея введеніи.

Только тогда, когда офицеры проникнутся вполне духомъ новаго законодательства, когда они съумѣютъ подчинить свои дѣйствія новымъ условіямъ командованія, только тогда реформа эта окажетъ свое благотѣльное вліяніе.

Слѣдовательно, вопросъ о своевременности реформы относительно офицеровъ сводится къ вопросу о степени готовности офицеровъ къ вышеозначенному содѣйствію.

Нѣкоторые, утверждая, что съ солдатами ничего нельзя сдѣлать безъ строгости, допускаютъ въ то же время, что офицеры наши не умѣютъ начальствовать, что давняя привычка основывать авторитетъ свой только на страхѣ отнимаетъ у нихъ возможность дѣйствовать иначе; слѣдовательно, съ отнятіемъ у нихъ права наказаній, они не въ состояніи будутъ сладить съ солдатами.

Мнѣніе это мы позволимъ себѣ назвать прямо клеветою на наше офицерское общество.

Опроверженіе этого предположенія ясно выразилось въ вышеприведенномъ фактѣ ограниченія тѣлеснаго въ войскахъ наказанія. Кто же это сдѣлалъ, ежели не офицеры? Слѣдовательно, они заранѣе доказали на практикѣ, что умѣютъ поддерживать и авторитетъ свой и дисциплину, не прибѣгая къ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Наконецъ, въ литературѣ, кто первый подалъ голосъ въ пользу общей реформы военно-уголовнаго законодательства? офицеры. Но есть и офиціальныя доказательства для тѣхъ,

кому вышеприведенныхъ недостаточно. Въ 1860 году, при Морскомъ Министерствѣ составленъ былъ проектъ морскаго военно-уголовнаго устава. Проектъ этотъ во всѣхъ частяхъ основанъ на тѣхъ началахъ, о которыхъ мы говорили выше; онъ былъ напечатанъ и разосланъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ къ начальникамъ частей сухопутной арміи, на заключеніе. Только пять человекъ не одобрили его, а болѣе 700 человекъ признали не только пользу, но даже необходимость скорой реформы въ сухопутномъ военно-уголовномъ уставѣ.

Вотъ факты, на которыхъ мы основываемъ свои доказательства, что офицеры наши совершенно подготовлены къ принятію и къ примѣненію къ службѣ этой реформы. Наконецъ, для людей сколько нибудь знакомыхъ съ исторіей отечественнаго военнаго законодательства, реформа эта не покажется вовсе чѣмъ-то особенно новымъ. Почти полвѣка тому назадъ была попытка ввести ее въ нашей арміи, — попытка, не удавшаяся единственно только по внѣшнимъ обстоятельствамъ. Наконецъ, было время, правда, болѣе отдаленное отъ насъ, когда русское военное законодательство не только не стояло ниже европейскихъ, не только не нуждалось въ иностранныхъ образцахъ, но само могло служить имъ образцомъ во многихъ отношеніяхъ.

Авторъ писемъ, до поѣздки за границу, изучая исторически наше военное законодательство, нашелъ весьма любопытные факты, которые опровергаютъ совершенно то нелѣпое мнѣніе, будто Россія, по ея малолѣтству (ей всего-то только тысячу лѣтъ), нельзя равняться съ Европою.

Вотъ что говорить авторъ:

Императоръ Александръ I прекрасно опредѣлилъ задачу комиссіи составленія военныхъ законовъ: «примѣнить къ русской арміи всѣ лучшія, совершеннѣйшія начала, выработанныя въ европейскихъ военныхъ законодательствахъ, въ особенности въ высшемъ изъ нихъ — во французскомъ». (Рескриптъ этотъ хранится въ дѣлахъ комиссіи составленія военныхъ законовъ 1811 года.) Слѣдствіемъ этого рескрипта было изданіе полевого уложенія, въ которомъ введены обвинители, защитники, словесное и гласное судопроизводство. Къ сожалѣнію, по причинѣ войны 1812 года, комиссія составленія военныхъ законовъ была распущена; послѣ того внѣшнія дѣла отвлекли вниманіе императора Александра I отъ внутреннихъ преобразованій. Возможно ли теперь исполнить предположеніе императора Алек-

сандра I: «примѣнить къ русской арміи всѣ лучшія, совершеннѣйшія начала, выработанныя въ европейскихъ военныхъ законодательствахъ, въ особенности въ высшемъ изъ нихъ — во французскомъ»? На это мнѣ случилось слышать слѣдующее возраженіе: «Франція живетъ болѣе 1,000 лѣтъ историческою жизнью, развиваетъ и совершенствуетъ свои учрежденія; Россія стала жить и развиваться со временъ Петра Великаго. Возможно ли желать, чтобы русское военное законодательство въ 150 лѣтъ догнало французское, которое развивается со временъ Карла Великаго?» Въ отвѣтъ на это я долженъ повторить то, что высказалъ въ одной изъ предъидущихъ записокъ: мы имѣемъ весьма любопытные сборники начала XVIII столѣтія — своды военно-уголовныхъ законодательствъ всѣхъ европейскихъ государствъ (*Corpus Juris Militaris oder vollkommenes Kriegsrecht aller Potentaten Europa 1706, 1723 и 1724 и т. д.*) Я сдѣлалъ изъ нихъ извлеченіе — таблицу о наказаніяхъ во всѣхъ европейскихъ арміяхъ за побѣги. Изъ нея оказывается, что въ началѣ XVIII столѣтія почти буквально одни и тѣ же военно-уголовные законы были обязательны во всѣхъ европейскихъ государствахъ и что именно во Франціи и Пруссіи, которыхъ законы теперь наиболѣе развиты, тогдашнія постановленія были въ высшей степени варварскія.

Въ то время, когда великій король (Людовикъ XIV) и великій курфирстъ грозятъ «уничтожить и разорять цѣлыя волости, если обитатели ихъ не будутъ способствовать поимкѣ дезертировъ», въ то время, когда шведскіе короли, испортивъ законодательство Густава-Адольфа, и швейцарскіе граждане постановляютъ, что «хотя было бы доказано, что побѣгъ сдѣланъ въ припадкѣ сумасшествія или безпамятства, все-таки бѣжавшій не можетъ быть избавленъ отъ прогнанія сквозь строй» (?), — въ то время одинъ Петръ Великій допускаетъ не только *circumstances atténuantes*, но постановляетъ: «признаніе законности отлучки подлежитъ разсмотрѣнію генералитета».

И потому, съ историческими документами въ рукахъ, мы можемъ доказать всѣмъ и каждому, что русское военно-уголовное законодательство во времена Петра Великаго ничѣмъ не было хуже западно-европейскихъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ихъ превосходило.

Но съ тѣхъ поръ прошло полтора столѣтія. Всѣ военно-уголовныя законодательства совершенствовались; наше со вре-

мень Петра Великаго осталось почти неподвижно, и потому мы отстали.

Александръ I-й высказалъ намѣреніе сдѣлать рѣшительныя преобразованія; но внѣшнія дѣла отвлекли его вниманіе. Съ тѣхъ поръ мы занимались юстиніановской работой — кодификаціей. Мы жили петровскими законами начала XVIII столѣтія, которые не отвѣчали уже современнымъ потребностямъ, и потому приведеніе ихъ въ сводъ ярче только обнаружило, что они отжили свой вѣкъ. Разными частными мѣрами необходимо было пособлять общимъ недостаткамъ.

Военные суды и военныя тюрьмы во Франціи заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія. Превосходство ихъ столь наглядно и осязательно, что каждый просвѣщенный, честный, добросовѣстный человѣкъ, который успѣлъ ознакомиться съ ними, не можетъ не желать установленія подобнаго суда, принятія подобной системы наказаній и учрежденія подобныхъ военно-исправительныхъ тюремъ для русской арміи (*).

Мы надѣемся, что въ замѣткахъ нашихъ, на сколько позволяли ихъ предѣлы, мы доказали и абсолютную пользу введенія у насъ системы исправительной, и ея своевременность. Мы сообщили также читателямъ, что правительство наше, сколько намъ извѣстно, не ожидало частной инициативы и предприняло работы, необходимыя для преобразованія, прежде нежели необходимость его сдѣлалась предметомъ гласнаго обсужденія. Какъ мы сказали выше, каждый знакомый сколько нибудь съ дѣломъ легко пойметъ, сколько трудностей нужно преодолѣть для совершеннаго окончанія этой монументальной работы, которая, во всякомъ случаѣ, должна соображаться съ трудами, предпринятыми по устройству общаго гражданскаго судоустройства въ имперіи. Измѣненіе въ устройствѣ нашихъ арестантскихъ ротъ будетъ краеугольнымъ камнемъ общей реформы всего военно-уголовнаго законодательства.

Съ этого, сколько намъ извѣстно, дѣйствительно и начались работы въ Военномъ Министерствѣ по части преобразованія военно-судной части. Въ основаніе работъ по преобразованію арестантскихъ ротъ, какъ мы слышали, принято:

(*) Говоря это, мы имѣемъ въ виду главныя основанія французской системы, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаемъ ея недостатки, которые отчасти исправлены въ кодексахъ швейцарскомъ и итальянскомъ, составленныхъ воообще по образцу французскаго.

- 1) По возможности келейное заключеніе.
- 2) Вольный трудъ.
- 3) Умственное и нравственное развитіе.

Словомъ, тѣ же основанія, на какихъ устроены самыя совершенныя изъ всѣхъ подобнаго рода заведеній — французскія тюрьмы.

Когда преобразование это приведется въ дѣйствіе, мы будемъ имѣть право смѣло гордиться передъ большею частію Европы. Какъ ни кричать о томъ, что мы отстали отъ нея, но ежели и случалось ей опереживать насъ, то мы не только ее догоняемъ, но во многихъ отношеніяхъ станемъ впереди ея, и, по всей вѣроятности, скоро.

Но чтобы новое военно-уголовное законодательство не осталось мертвою буквою, чтобы благая цѣль правительства сейчасъ же начала оказывать благотѣльные результаты, къ которымъ оно стремится, нужно, чтобы офицеры наши совершенно приготовились къ новой роли, чтобы они разумно и честно усвоили себѣ новыя основанія своей дѣятельности, чтобы они явились достойными того высокаго значенія, къ которому призоветъ ихъ благотѣльная попечительность правительства объ арміи.

Кончаемъ наши замѣтки съ полною вѣрою, что это такъ и будетъ.